

СТИЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ВИКТИМНОСТИ

Р.И. Фролова, О.В. Байгужина

Южно-Уральский гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия

Обоснование. В настоящей работе виктимность рассматривается как психологическое отклонение, проявляющееся в специфических поведенческих реакциях, характеризующих тип потенциального потерпевшего. Акцент ставится на необходимости учета уровня реализованной виктимности личности, формирования ее адекватных форм проявления и коррекции на этапе профессиональной подготовки педагогического работника. **Цель.** Выявить стилевые характеристики саморегуляции поведения у студентов с различным уровнем виктимности. **Организация и методы исследования.** На основе анализа полученных результатов по шкале «Реализованная виктимность» опросника «Склонность к виктимному поведению» все обследуемые дифференцировались на две группы: лица со «средним» уровнем ($n = 36$) и «ниже среднего» ($n = 53$) реализованной виктимности. Данные о виктимности, саморегуляции поведения, эмоциональном интеллекте у студенток педагогического вуза получали с помощью соответствующих опросников: «Склонность к виктимному поведению», «Стиль саморегуляции поведения», «Эмоциональный интеллект». **Результаты.** В структуре виктимности студентов определены высокие уровни по шкалам, оценивающим склонность к зависимому и беспомощному поведению, к агрессивному виктимному поведению, к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, к некритичному поведению. При сравнении групп студентов с разным уровнем виктимности выявлены особенности, выраженные: в различных стилевых характеристиках саморегуляции поведения (в реализации процессов моделирования, оценивания и гибкого взаимодействия); в отсутствии различий параметров эмоционального интеллекта. **Заключение.** Особенности проявления саморегуляции поведения у студентов определяются уровнем их виктимности. Представители группы лиц с «низким» уровнем виктимности в два раза чаще демонстрируют высокую саморегуляцию поведения по сравнению с респондентами группы со «средним» уровнем виктимности. Выявленная группа риска студентов, проявляющих склонность к зависимому и беспомощному поведению, требует специальных мероприятий по сопровождению их социальной адаптации в вузе. С точки зрения формирования профессиональных компетенций будущего педагога целесообразно включение в программу курсов по выбору (специализированных курсов) анализа результатов исследований виктимности студентов, педагогических работников, а также способов коррекции виктимной деформации личности.

Ключевые слова: *виктимность, виктимизация, саморегуляция поведения, эмоциональный интеллект, студенты, социальная адаптация.*

Введение

Исследование психофизиологических особенностей проявления виктимного поведения у студентов определяется социальной и практической значимостью вопросов гуманизации современного общества, необходимостью решения задач формирования социально адаптированной личности, возросшей потребностью виктимологической профилактики и коррекции (Кузнецова, 2013). Виктимность

рассматривается как личностное качество индивида становиться жертвой по отношению к объекту, предмету воздействия или сложившимся обстоятельствам.

Любая личность в процессе социальной адаптации в той или иной мере реализует потенциальную виктимность. Однако вероятность того, что виктимность будет реализованной, во многом зависит от условий конкретной ситуации и совокупности качеств

личности, составляющей ее виктимный потенциал.

В литературе выделяют перечень условий, определяющих степень уязвимости личности с позиции жертвы: социально-демографические характеристики (пол, возраст, национальность, место происхождения); особенности поведения личности до момента, когда возникло происшествие; особенности восприятия ситуации, которая привела к происшествию; отношения, которыми связаны объект (субъект) и потерпевший.

По данным, предложенным А.М. Матусевичем (2014), субъективная предрасположенность к роли жертвы включает в себя: совокупность психологических (индивидуально-психологических и социально-психологических) «дефектов» личности, которые вызывают ее виктимогенную деформацию; совокупность физиологических свойств человека, обусловленных возрастом; психопатологические особенности, характерные для социальной дезадаптации, а в результате – развитие повышено уязвимой личности.

По определению М.А. Одинцовой (2012), автора опросника «Тип ролевой виктимности», виктимность – это устойчивая личностная особенность, обусловленная сочетанием индивидуально-типологических, характерологических детерминант, взаимодействующих с внешними факторами, не всегда связанными с ситуациями насилия, но способствующими виктимной активности, находящей воплощение в игровой или социальной ролях жертвы (Одинцова, 2012).

На основе анализа результатов исследования можно выделить ряд отличительных особенностей виктимной личности. Так, гипервиктимность отражается в проявлении низкого уровня экстраверсии, эмоциональной стабильности, уступчивости, сознательности на фоне высокого уровня открытости новому опыту (Одинцова, 2013).

В работе Н.Н. Биктиной (2015) «портрет» виктимной личности дополнен эмоциональной неустойчивостью, тревожностью, конформностью, доверчивостью, некритичностью, внушаемостью, повышенной моральной ответственностью, излишней добросовестностью (Биктина, 2015). Именно проявление эмоциональной неустойчивости рассматривается Е.Е. Алексеевой (2010) как часть низкой социальной адаптации и волевого контроля, что обуславливает виктимное поведение лич-

ности. Напротив, в работе М. Gollwitzer et al (2015) виктимная личность с меньшей вероятностью будет доверять другим и с большей вероятностью предпочтет индивидуальный стиль деятельности, минимизируя или исключая сотрудничество, особенно в социально неопределенных ситуациях.

Исследование виктимности в условиях современного общества является важным аспектом для изучения общей адаптации человека в социальной среде. В частности, неясно, почему и как виктимность становится устойчивой чертой и какие процессы развития и когнитивные процессы участвуют в такой стабилизации психологического «портрета» (Gollwitzer et al., 2015). Актуален вопрос об ассоциации виктимности с интегральными показателями социальной адаптации: гендерной принадлежностью (Шейнов, 2019), эмоциональным интеллектом (Шумилкина, 2015; Андронникова с соавт., 2016), саморегуляцией поведения (Леонова, 2017; Селиванов, 2018).

Практическую значимость и востребованность приобретают результаты исследований социально значимых психологических характеристик в период становления представителей педагогической профессии (Анисимова, 2018) в том числе с различным проявлением реализованной виктимности (Голубь, 2015; Гришина, 2019).

Профессиональный стандарт педагога указывает на сформированность у учителя умения эффективно регулировать поведение обучающихся лиц для обеспечения безопасной образовательной среды, а также защищать их достоинство и интересы в конфликтной ситуации и/или неблагоприятных условиях. Кроме того, в рамках обеспечения безопасности труда педагог должен реализовать компетенцию, связанную с проектированием психологически безопасной и комфортной образовательной среды (Об утверждении профессионального стандарта ..., 2013; Settanni et al., 2015).

В силу сложившихся в настоящее время негативных тенденций обеспечения школьной безопасности (Тарасова, 2011; Ветрова с соавт., 2018), в частности выраженных в буллинге (López et al., 2009; Longobardi et al., 2018; Филатова с соавт., 2018), актуализируются вопросы формирования «стрессоустойчивой личности» педагога на этапе профессионального становления (Голубь, 2015). Профессионально значимым качеством будущего

педагога, противопоставляемым виктимности в широком смысле этого термина, является стрессоустойчивость (Маликов с соавт., 2017).

С другой стороны, педагог и его деятельность рассматриваются, как источник конфликта – развития неблагоприятной ситуации для обучающегося. В литературе имеются результаты исследования, демонстрирующие влияние социометрического статуса и виктимного поведения ученика на его взаимоотношение с учителем. Показано, что конфликт с учителем оказывает существенное положительное влияние на участие студентов в активном издевательствах над отвергнутыми студентами (Longobardi et al., 2018). Более того, существует опасность вовлечения педагогами третьих лиц в поведение, связанное с запугиванием и издевательствами над обучающимися, для которых характерны «высокие уровни конфликтов или негативных ожиданий» (Lucas-Molina et al., 2015; Wang et al., 2015).

Исследования причин виктимизации студентов высшей школы малочисленны (Голубь, 2015). По данным M.F.T. Peres et al. (2016), две трети студентов медицинского университета сочли эпизоды конфликтов с преподавателями достаточно серьезными, и около трети – сообщили о том, что подвергаются периодической виктимизации. По данным авторов исследования, случаи жестокого обращения, которые студенты считали серьезными, связаны с ощущением перегрузки и желанием отказаться от дальнейшего обучения (Peres et al., 2016).

В работе М.С. Голубь (2015) показано, что социально-психологическая виктимная деформация личности самого преподавателя приводит к трансформации педагогического общения в механизм социально-педагогической виктимизации личности студента в педагогическом процессе.

Таким образом, практическую значимость приобретают исследования факторов виктимизации личности обучающегося, реализующейся в том числе в условиях образовательной среды.

Цель исследования заключается в определении стилиевых характеристик саморегуляции поведения у студентов с различным уровнем виктимности.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе научно-исследовательской лаборатории «Адапта-

ция биологических систем к естественным и экстремальным факторам среды» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Обследование проходило на основании добровольного информированного согласия студентов женского пола 1–4-го курсов дневной формы обучения, всех профилей обучения в межсессионный период во второй половине дня.

Исследование выполнено в два этапа: первый этап – определение структуры виктимности студенток ($n = 238$) с формированием выборки обследуемых для второго этапа. На основе анализа полученных результатов по шкале «Реализованная виктимность» опросника «Склонность к виктимному поведению» все обследуемые дифференцировались на две группы: лица со «средним» уровнем и уровнем «ниже среднего» реализованной виктимности. Лица с «высоким» уровнем виктимности не были включены в выборку для второго этапа исследования из-за малой численности группы.

Второй этап исследования включал в себя определение основных компонентов структуры виктимной личности – саморегуляции поведения и эмоционального интеллекта у 89 студенток. Выбор методов второго этапа исследования обусловлен системными факторами виктимности – ведущими личностными качествами, характерными для реализованной виктимности (Турханов, 2007).

Характеристика методов исследования. Тест-опросник «Склонность к виктимному поведению» состоит из 86 утверждений и представляет набор специализированных психодиагностических шкал, направленных на измерение предрасположенности к реализации отдельных форм виктимного поведения. Показательными являются шкалы «Склонность к агрессивному виктимному поведению» (агрессивный тип потерпевшего), «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» (активный тип потерпевшего), «Склонность к гиперсоциальному поведению» (инициативный тип потерпевшего), «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» (пассивный тип потерпевшего), «Склонность к некритичному поведению» (некритичный тип потерпевшего) (Андронникова, 2004).

Для оценки особенностей саморегуляции поведения использовали опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98), мето-

дика которого основана на диагностике степени развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля. Оценка общего уровня саморегуляции поведения проводится на основании расчета показателей (шкал) планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показателей развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности (Моросанова с соавт., 2000).

Тест на эмоциональный интеллект позволил определить уровень проявления внутриличностного (ВЭИ) и межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ), которые предполагают актуализацию соответствующего комплекса когнитивных процессов и навыков, связанных друг с другом: способность к пониманию своих и чужих эмоций (ПЭ) и способность к управлению своими и чужими эмоциями (УЭ). Опросник состоит из 46 утверждений, на основании которых рассчитывается интегральный показатель по шкале «Общий уровень эмоционального интеллекта» (Люсин, 2009).

Графический и статистический анализ полученных данных проводили с помощью табличного процессора Microsoft Excel пакета Office 2010. Полученные экспериментальные данные обрабатывали методами вариационной статистики; рассчитывали среднюю арифметическую (M), ее среднеквадратичную ошибку ($\pm m$). Значимость различий усредненных и относительных величин исследуе-

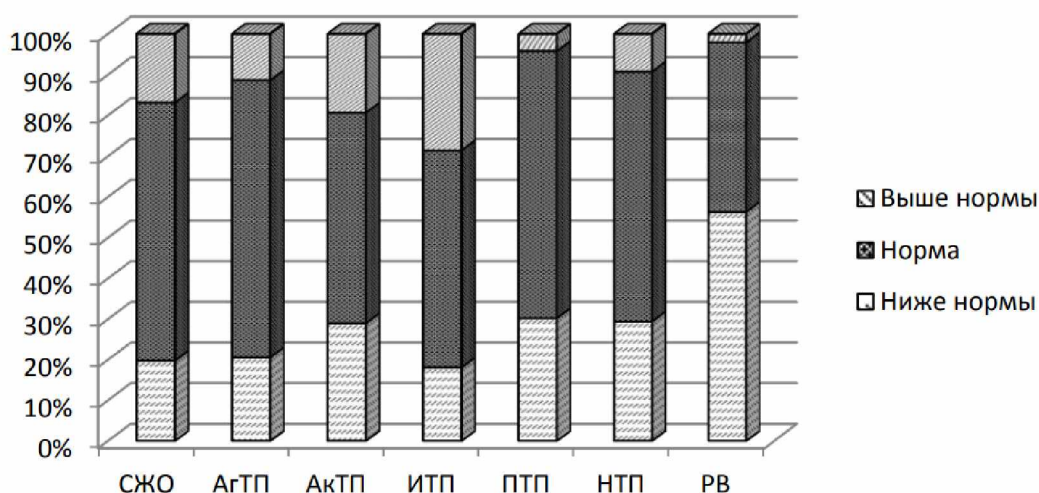
мых показателей определяли с помощью t-критерия Стьюдента (Бенман, 2002). Различия считались значимыми, начиная со значений $p < 0,05$.

Результаты исследования

На рисунке представлено распределение обследованных студентов по шкалам опросника «Склонность к виктимному поведению», результаты которых соответствуют уровням «выше нормы», «норма» и «ниже нормы».

Графический анализ полученных результатов (см. рисунок) позволил выявить особенности, выраженные в распределении уровней проявления психологических детерминант виктимности студентов. Так, 56,3 % студентов демонстрируют низкий уровень реализованной виктимности, характерный для реализации защитной стратегии поведения, позволяющей избегать опасные ситуации. Высокий уровень склонности к гиперсоциальному виктимному поведению, характеризующий инициативное виктимное поведение, демонстрировали 28,6 % респондентов, т. е. каждый третий студент реализует жертвенное поведение, социально одобряемое и зачастую ожидаемое.

Считаем наличие высоких значений по шкале «Склонность к зависимому и беспомощному поведению», характеризующих модель пассивного виктимного поведения, особенностью 4,2 % обследованных студентов. Как правило, данную часть обследованных студентов составляет «группа риска», с кото-

Распределение обследованных студентов с различным уровнем проявления по шкалам опросника «Склонность к виктимному поведению» (n = 238): СЖО – социальной желательности ответов; АгТП – агрессивный тип потерпевшего; АкТП – активный тип; ИТП – инициативный тип; ПТП – пассивный тип; НТП – не критичный тип; РВ – реализованная виктимность

The distribution of the examined students according to the “Tendency to victim behavior” questionnaire (n = 238): СЖО – social desirability of responses; АгТП – aggressive type of victim; АкТП – active type; ИТП – initiative type; ПТП – passive type; НТП – non-critical type; РВ – realized victimity

рой необходимо проводить тренинги, направленные на повышение самостоятельности, критичности, самооценки. Напротив, лица, имеющие низкий уровень проявления склонности к зависимому и беспомощному поведению (по нашим данным 30,3 %), характеризуются непримиримостью к мнению других, отличаются авторитарностью, конфликтностью.

Малая численность группы студентов с «высоким» уровнем реализованной виктимности, вероятно, обусловлена небольшим социальным опытом взаимодействия студентов в конфликтных ситуациях с одной стороны; с другой – характеризует сформированность механизмов (сценариев), позволяющих либо не вступать в конфликт, избегать его, либо противостоять ему. Выявленная на первом этапе исследования доля студентов (28,0 %) с уровнем «выше среднего» по шкале инициативного типа потерпевшего (ИТП) в общей структуре виктимности свидетельствует о их способности к демонстрации положительного поведения будущего педагога в ситуациях конфликта. По мнению О.О. Андронниковой (2005), представители данного типа считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт. С точки зрения анализа профессионально значимых качеств, указанная способность должна быть сформирована уже к периоду подготовки бакалавра, совпадающему с началом производственной педагогической практики.

При распределении уровней проявления некритичного типа поведения установлено, что 9,2 % (уровень «выше нормы») респондентов демонстрируют неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации. Такие лица чаще проявляют неосторожность, неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации в результате каких-либо личностных или ситуативных факторов. Кроме того, их отличает склонность к оправданию негативного поведения других.

С точки зрения оценки уровня социальной адаптации данного контингента обследованных, логичными считаем результаты их распределения по шкале «Реализованная виктимность». Более половины респондентов (56,3 %) имеют уровень «ниже нормы». Такие студенты нечасто попадают в критические ситуации, либо у них уже успел выработаться защитный способ поведения, позволяющий избегать опасных ситуаций.

Высокие уровни по шкалам, оценивающим склонность к зависимому и беспомощному поведению (4,2 % обследованных студентов), к агрессивному виктимному поведению (9,8 %), к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (18,7 %), к некритичному поведению (10,7 %), с точки зрения оценки социальной адаптации и формирования профессиональных компетенций будущего педагога, считаем тревожной ситуацией. Эта относительно незначительная часть респондентов составляет группу риска, с которой необходимо проводить тренинги, направленные на повышение самостоятельности, критичности, повышению самооценки. Таким образом, актуализируется проблема профилактики профессиональной виктимности (Юголевич, 2015).

Анализ основных компонентов структуры виктимной личности (второй этап исследования). В основе дифференциации обследованных лежит уровень их виктимного поведения, выявленный в результате тестирования по методике О.О. Андронниковой (2005). Выборка обследованных студентов представлена группами со средним ($n = 36$) и ниже среднего ($n = 53$) уровнями виктимности.

Следует указать, что студенты с уровнем виктимности «ниже среднего» характеризуются как индивидуумы, не часто попадающие в критические ситуации либо имеющие защитный способ поведения, который позволяет им избегать опасные ситуации. У таких студентов предполагается наличие внутренней готовности к виктимному поведению.

Анализ полученных данных, выраженных в соответствующих шкалах опросника «Склонность к виктимному поведению» в группах студентов с различным проявлением виктимности (табл. 1), выявил различия в проявлении типов потерпевшего: активный ($t = 2,93$ при $p = 0,005$), пассивный и некритичный ($t = 2,25$ и $t = 2,12$ при $p = 0,05$). Это указывает на преобладание у студентов с уровнем реализованной виктимности «ниже среднего» относительно высокой тревожности, мнительности. Такие студенты чаще избегают ситуации неудач, создания ситуации конфликта, проявляют повышенную социальную пассивность.

У студентов с различным уровнем виктимного поведения выявлены значимые различия в *распределении* условных типов потерпевших. Так, 55 % студентов с низким

Таблица 1
Table 1

Средние значения показателей шкал опросника «Склонность к виктимному поведению» у студентов с различным уровнем реализованной виктимности ($M \pm m$)
Average values of the "Tendency to victim behavior" questionnaire in students with various realized victimity ($M \pm m$)

Шкала (тип потерпевшего) Scale (type of victim)	Средний (n = 36) Average (n = 36)	Низкий (n = 53) Low (n = 53)
Агрессивный Aggressive	10,86 ± 0,50	10,08 ± 0,51
Активный Active	9,75 ± 0,44	8,13 ± 0,33 ***
Инициативный Initiative	6,72 ± 0,29	6,79 ± 0,25
Пассивный Passive	8,58 ± 0,37	7,53 ± 0,28 *
Некритичный Non-critical	9,47 ± 0,40	8,40 ± 0,31 *

* – значимость различий показателя в сравниваемых группах при $p < 0,05$; *** – при $p < 0,005$.

* – significance of differences in the compared groups at $p < 0.05$; *** – at $p < 0.005$.

уровнем виктимности чаще демонстрируют активный тип потерпевшего, характеризующийся повышенной заботой о собственной безопасности, стремлением оградить себя от ошибок, при этом такие лица подвержены страхам. Среди студентов со средним уровнем виктимности лиц с активным типом потерпевшего – 28 %.

Пассивный тип потерпевшего демонстрируют 32 % студентов с низким уровнем виктимности и 14 % студентов со средним уровнем виктимности. Можно сделать предварительное заключение о склонности к зависимому и беспомощному поведению у 2/3 студентов с низким уровнем реализованной виктимности и у пятой части обследованных, демонстрирующих средний уровень виктимности. Идентично распределены обследованные и по некритичному типу потерпевшего: склонность к некритичному поведению чаще демонстрируют студенты с низким уровнем виктимности, что проявляется в неосторожности, неадекватной оценке жизненных ситуаций в результате действия личностных или ситуативных факторов: эмоциональное состояние, возраст, уровень интеллекта, заболевание.

Анализ стилевых характеристик саморегуляции поведения (табл. 2) выявил групповые различия при сравнении средних значений шкал «общий уровень саморегуляции поведения» ($t = 1,96$ при $p < 0,05$), «моделирование» ($t = 2,09$ при $p < 0,05$), «оценка результатов» ($t = 2,63$ при $p < 0,01$) и «гибкость» ($t = 2,69$ при $p < 0,01$). Выявленные различия,

согласно интерпретации В.И. Моросановой (2000), характеризуют студентов с низким уровнем виктимности как гибко и адекватно реагирующих на изменение условий окружающей среды, стремящихся к осознанному планированию деятельности. У данной группы обследованных достаточно развиты самооценочные механизмы, сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки результатов, а также пластичность регуляторных процессов.

В группе студентов с низким уровнем виктимности 55 % респондентов проявляют высокий уровень саморегуляции; лица со средним уровнем виктимности – 27 %. Указанное характеризует студентов с низким уровнем виктимности как способных продумывать надежные методы и результаты своей деятельности, гибко адаптироваться к изменению условий (Моросанова с соавт., 2000). Студентов со средним уровнем виктимности отличают низкие значения по шкалам «моделирование» в 30 % случаев, «оценка результатов» – в 14 % и «гибкость» – 22 % по сравнению с группой лиц, имеющих низкий уровень реализованной виктимности.

Студенты с низким уровнем реализованной виктимности по шкалам опросника «Стиль саморегуляции поведения» неадекватно формулируют задачи при достижении целей, необъективно оценивают результаты своей деятельности, сложно адаптируются к изменяющимся условиям окружающей среды (Моросанова с соавт., 2000).

Таблица 2
Table 2

Средние значения показателей шкал опросников «Стиль саморегуляции поведения» и «Эмоциональный интеллект» у студентов с различным уровнем виктимности ($M \pm m$)
Average values of the "Style of behavior self-regulation" and "Emotional intelligence" questionnaires in students with various victimity ($M \pm m$)

Метод Method	Шкала Scale	Средний (n = 36) Average	Низкий (n = 50) Low
Стиль саморегуляции поведения Style of behavior self-regulation	Планирование Planning	6,14 ± 0,29	6,09 ± 0,29
	Моделирование Modeling	4,75 ± 0,29	5,49 ± 0,24*
	Программирование Programming	5,86 ± 0,26	6,11 ± 0,24
	Оценка результатов Results assessment	5,47 ± 0,28	6,34 ± 0,17**
	Гибкость Flexibility	5,58 ± 0,37	6,75 ± 0,23**
	Самостоятельность Independence	5,58 ± 0,34	5,66 ± 0,29
	Общий уровень саморегуляции General level of self-regulation	28,42 ± 0,88	30,85 ± 0,77*
Эмоциональный интеллект Emotional intelligence	Межличностный эмоциональный интеллект Interpersonal emotional intelligence	34,06 ± 1,37	36,06 ± 1,26
	Внутриличностный эмоциональный интеллект Intrapersonal emotional intelligence	36,67 ± 1,29	37,23 ± 1,34
	Понимание эмоций Understanding of emotions	31,69 ± 1,04	32,53 ± 1,20
	Управление эмоциями Control of emotions	39,03 ± 1,35	40,75 ± 1,30
	Общий эмоциональный интеллект General emotional intelligence	70,72 ± 2,18	73,28 ± 2,38

* – значимость различий показателя в сравниваемых группах при $p < 0,05$; ** – при $p < 0,01$.

* – significance of differences in the compared groups at $p < 0.05$; ** – at $p < 0.01$.

Анализ данных, полученных с помощью методики «Эмоциональный интеллект», значимых различий в сравниваемых группах студентов не выявил (см. табл. 2). При этом студенты со средним уровнем реализованной виктимности демонстрируют результаты, характерные для градации «очень низкое значение» по шкалам «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Общий эмоциональный интеллект» по сравнению со студентами из группы с низким уровнем реализованной виктимности. Результаты опроса по шкалам «Понимание эмоций» соответствовали градации «очень низкое значение»; «Управление эмоциями» – градации «среднее значение» у респондентов независимо от принадлежности к той или иной сравниваемой группе.

В целом результаты, характеризующие проявление эмоционального интеллекта, вызывают тревогу, учитывая профессиональную направленность обучения студентов. Буду-

щие педагоги реализуют достаточно низкий уровень способности к пониманию эмоций и управлению ими, как своих, так и других людей, что косвенно можно рассматривать как фактор виктимизации личности студента в совокупности других неблагоприятных факторов и условий образовательного пространства высшей школы.

Заключение

Анализ виктимологических исследований позволил определить, что личностная структура потерпевшего как типа личности включает в себя элементы разноуровневого порядка, активизирующиеся при воздействии факторов ситуации риска и представляющие собой психологические предпосылки превращения данной личности в жертву.

Среди студентов со «средним» уровнем виктимности лиц с активным типом потерпевшего – одна треть; они способны реализо-

вать жертвенность, связанную со своим активным поведением, провоцирующим ситуацию виктимности своей просьбой, обращением, настойчивостью.

Можно сделать предварительное заключение о склонности к зависимому и беспомощному поведению у 2/3 студентов с «низким» уровнем реализованной виктимности и у пятой части обследованных, демонстрирующих «средний уровень» виктимности.

Особенности проявления саморегуляции поведения у студентов также определяются в зависимости от их уровня виктимности. Представители группы лиц с «низким» уровнем в два раза чаще демонстрируют высокую саморегуляцию поведения по сравнению с респондентами группы со средним уровнем виктимности.

Теоретическую значимость имеют результаты тестирования эмоционального интеллекта студентов с различным уровнем виктимности. Независимо от уровня виктимности будущие педагоги демонстрировали низкий уровень эмоционального интеллекта, что является тревожным признаком при формировании общепрофессиональных и профессиональных компетенций, в частности характеризующих коммуникативные способности выпускников педагогического вуза.

Изучение механизмов формирования и проявления виктимности личности требует дополнительного социологического и психофизиологического исследования, а полученные результаты – осмысления профессиональной подготовки студентов педагогического вуза в контексте проблемы виктимизации субъектов системы образования.

Литература

1. Андронникова, О.О. Особенности взаимосвязи различных типов жертвенной позиции и эмоционального интеллекта / О.О. Андронникова, П.С. Герасимова // *Сибирский педагогический журнал*. – 2016. – № 5. – С. 118–125.
2. Андронникова, О.О. Тест склонности к виктимному поведению / О.О. Андронникова // *Развитие гуманитарного образования в Сибири: сб. науч. тр.: в 2 ч.* – Новосибирск: НГИ, 2004. – Вып. 9, Ч. 1. – С. 11–25.
3. Анисимова, О.А. Психолого-педагогическая компетентность педагога в области виктимности школьников / О.А. Анисимова // *Учитель и время*. – 2018. – № 13. – С. 8–17.
4. Бенсман, В.М. Облегченные способы статистического анализа в клинической медицине / В.М. Бенсман. – Краснодар: Изд-во КТМА, 2002. – 30 с.
5. Биктина, Н.Н. К проблеме виктимности личности подростка в современных исследованиях: сущность, виды, факторы возникновения и причины проявления / Н.Н. Биктина, А.Б. Баймешова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2-2. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22522> (дата обращения: 20.05.2019).
6. Ветрова, Я.А. Проблема психологической безопасности образовательной среды муниципальной системы образования / Я.А. Ветрова, Е.С. Щеголенкова // *Отечественная и зарубежная педагогика*. – 2018. – Т. 2, № 2 (49). – С. 169–178.
7. Голубь, М.С. Профессиональная деформация педагога высшей школы / М.С. Голубь // *Вестник Академии знаний*. – 2015. – № 2 (13). – С. 47–50.
8. Гришина, Т.Г. Социально-психологические условия формирования виктимности у подростков в ситуации школьной травли / Т.Г. Гришина // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. – 2019. – Т. 8. – № 1-1. – С. 320–333.
9. Иоголевич, Н.И. Профилактика профессиональной виктимности как составляющая высшего образования / Н.И. Иоголевич, В.А. Иоголевич // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2015. – № 4 (34). – С. 58–63.
10. Кузнецова, Л.Э. Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи / Л.Э. Кузнецова, А.Н. Ерошенко // *Актуальные вопросы современной психологии: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2013 г.)*. – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 73–75.
11. Леонова, И.Ю. Влияние доверия к себе на склонность к виктимному поведению / И.Ю. Леонова // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 322–328.
12. Люсин, Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн»: новые психометрические данные // *Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова*. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 264–278.

13. Маликов, Л.В. Особенности виктимного поведения студентов с различным уровнем стрессоустойчивости / Л.В. Маликов, Т.П. Усынина, Н.В. Степанова // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 2. – URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/21117> (дата обращения: 22.03.2019).
14. Матусевич, А.М. Психологические аспекты виктимности / А.М. Матусевич, Л.В. Кубышко // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 924–927.
15. Моросанова, В.И. Стилевая саморегуляция поведения человека / В.И. Моросанова, Е.М. Коноз // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 118–127.
16. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н г. Москва // Российская газета – Федеральный выпуск № 6261 (285). – URL: <http://rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html> (дата обращения 18.04.2019).
17. Одинцова, М.А. Типы поведения жертвы. Диагностика ролевой виктимности / М.А. Одинцова. – Самара: Издательский дом «БахратМ», 2013. – 160 с.
18. Одинцова, М.А. Психологические особенности виктимности / М.А. Одинцова // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 59–67.
19. Селиванов, В.В. Онтогенетические стадии развития субъекта и проявление виктимности / В.В. Селиванов // Психология когнитивных процессов. – 2018. – № 7. – С. 136–145.
20. Тарасова, Л.Е. Агрессия педагога как фактор психологического риска в образовательной среде / Л.Е. Тарасова // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 41–47.
21. Турханов, Г. Методы исследования психологических аспектов виктимности / Г. Турханов // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2007. – Т. 12, № 16. – С. 59–65.
22. Филатова, В.О. Буллинг в российской школе: что говорят ученики и что знают учителя / В.О. Филатова, М.Л. Бутовская, О.В. Калинин // Вопросы психологии. – 2018. – № 2. – С. 27–41.
23. Шейнов, В. Взаимосвязь экстраверсии, невротизма и психологического пола с виктимизацией / В. Шейнов // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 81–102. DOI 10.21702/rpj.2019.2.5
24. Шумилкина, М.С. Психологическая виктимность и эмоциональный интеллект / М.С. Шумилкина // Достижения вузовской науки. – 2015. – № 14. – С. 92–95.
25. Gollwitzer, M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity / M. Gollwitzer, P. Süßenbach, M. Hannuschke // *Frontiers in Psychology*. – 2015. – Vol. 6. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00439/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439
26. Longobardi, C. Student-teacher relationships and bullying: The role of student social status / C. Longobardi, N.O. Iotti, T. Jungert, M. Settanni // *Journal of Adolescence*. – 2018. – Vol. 63. – P. 1–10. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.12.001.
27. López, V. Peer victimization: Intimidation and victimization in Chilean students / V. López, M. Morales, Á. Ayala // *Revista de Psicología*. – 2009. – Vol. 27(2). – P. 243–286.
28. Lucas-Molina, B. Effects of teacher-student relationships on peer harassment: A multilevel study / B. Lucas-Molina, A.A. Williamson, R. Pulido, A. Pérez-Albéniz // *Psychology in the Schools*. – 2015. – Vol. 52, Is. 3. – P. 298–315 DOI:10.1002/pits.21822
29. Peres, M.F.T. Mistreatment in an academic setting and medical students' perceptions about their course in São Paulo, Brazil: a cross-sectional study / M.F.T. Peres, F. Babler, J.N.L. Arakaki [et al.] // *São Paulo Medical Journal*. – 2016. – Vol. 134 (2). – P. 130–137. DOI: 10.1590/1516-3180.2015.01332210
30. Settanni, M. Development and psychometric analysis of the student-teacher relationship scale – short form / M. Settanni, C. Longobardi, E. Sclavo, M. Fraire, L.E. Prino // *Front. Psychol.* – 2015. – Vol. 6. – P. 898. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00898.
31. Wang, C. Teachers matter: an examination of student-teacher relationships, attitudes toward bullying, and bullying behavior (Article) / C. Wang, S.M. Swearer, P. Lembeck et al. // *Journal of applied school psychology*. – 2015. – Vol. 31, Is. 3. – P. 219–238. DOI: 10.1080/15377903.2015.1056923.

Фролова Римма Игоревна, магистрант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), rimma_d-94@mail.ru

Байгужина Ольга Вадимовна, кандидат биологических наук, доцент кафедры физического воспитания, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), baiguzhinaov@cspu.ru

Поступила в редакцию 19 июня 2019 г.

DOI: 10.14529/jpps190301

STYLE CHARACTERISTICS OF BEHAVIOR SELF-REGULATION IN STUDENTS WITH VARIOUS VICTIMITY

R.I. Frolova, rimma_d-94@mail.ru

O.V. Baiguzhina, baiguzhinaov@cspu.ru

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

Aim. In the present work, victimity is considered as a psychological deviation manifesting in specific behavioral responses that characterize the type of potential victim. The emphasis is made on the necessity of taking into account a realized victimity of a person, the formation of its adequate forms and its correction at the stage of professional training. The article is aimed at establishing the style characteristics of behavior self-regulation in students with various victimity.

Materials and methods. Based on the analysis of the results obtained according to the “Realized victimity” scale (the “Tendency to victim behavior” questionnaire) all subjects were divided into two groups: an average ($n = 36$) and below-average ($n = 53$) victimity. The data on victimity, behavior self-regulation and emotional intelligence in students of the pedagogical university were obtained using the corresponding questionnaires: “Tendency to victim behavior”, “Style of behavior self-regulation”, “Emotional intelligence”. **Results.** In the structure of students’ victimity, high values are observed on scales that assess the tendency to addictive and helpless behavior, to aggressive victim behavior, to self-damaging and self-destructive behavior, and to non-critical behavior. When comparing groups of students with various victimity, the following features were registered expressed in the differences in the style characteristics of behavior self-regulation (in the implementation of modeling, assessment and flexible interaction); in the absence of differences in the parameters of emotional intelligence. **Conclusion.** Features of behavior self-regulation in students are determined by their victimity. Subjects with low victimity are twice as likely to show high behavior self-regulation compared to respondents with average victimity. The identified risk group of students who are prone to addictive and helpless behavior requires special measures to accompany their social adaptation at the university. When it comes to the formation of professional competencies of the future teacher, it is advisable to include in the program of elective courses the analysis of the results of studies of victimity in students, pedagogical workers, as well as ways to correct victim identity deformation.

Keywords: victimity, victimization, behavior self-regulation, emotional intelligence, students, social adaptation.

References

1. Andronnikova O.O., Gerasimova P.S. [Features of different types of relationship sacrificial position and emotional intelligence]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2016, no. 5, pp. 118–125.
2. Andronnikova O.O. *Test sklonnosti k viktimnomu povedeniju* [Test of propensity for victimistic behavior]. Development of humanitarian education in Siberia, Collection of scientific works. Novosibirsk, NHI, 2004, is. 9, part 1, pp. 11–25.
3. Anisimova O.A. [Psychological and pedagogical competence of the teacher in the sphere of victimity of schoolboys]. *Uchitel' i vremja* [Teacher and time], 2018, no. 13, pp. 8–17.

4. Biktina N.N., Baymeshova A.B. [To problem of personal victimhood of the identity of the teenager in modern researches: essence, types, factors of emergence and reason of manifestation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no 2-2. URL <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22522> (access date: 20.05.2019).
5. Vetrova Ja.A., Schegolenkova E.S. [Problem of psychological safety of the educational environment of the municipal education system]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika], 2018, vol. 2, no 2 (49), pp. 169–178.
6. Golub' M.S. [Professional deformation of the teacher of higher school]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of knowledge], 2015, no. 2 (13), pp. 47–50.
7. Grishina T.G. [Social-psychological conditions of forming victimity in adolescents in the situation of school education]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2019, vol. 8, no. 1-1, pp. 320–333.
8. Iogolevich N.I., Iogolevich V.A. [Prevention of professional victimhood as a component of higher education]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2015, no. 4 (34), pp. 58–63.
9. Kuznetsova L.E., Eroshenko A.N. *Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya viktimnogo povedeniya u sovremennoy molodezhi* [Psychological features of the manifestation of victimistic behavior in modern youth] *Aktual'nye voprosy sovremennoy psikhologii: materialy II mezhdunar. nauch. konf.* [Current issues of modern psychology: materials of the II international scientific. conferences]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa, 2013. pp. 73–75.
10. Leonova I.Yu. [Effect of self-confidence on predisposition to victim behavior] *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2017, vol. 27, no. 3. pp. 322–328.
11. Lyusin, D.V. *Oprosnik na emotsional'nyy intellekt «EmIn»: novye psikhometricheskie dannye* [«EmIn» Emotional intelligence questionnaire: new psychometric data]. *Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: ot modeley k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from models to dimensions]. Ed. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009, pp. 264–278.
12. Malikov L.V., Usynina T.P., Stepanova N.V. [Characteristics of victim behavior of students with different level of stress tolerance]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities scientific researches], 2017, no. 2, URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/21117> (access date: 22.03.2019).
13. Matusevich A.M., Kubyshko L.V. [Psychological aspects of victimhood]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2014, no. 8, pp. 924–927.
14. Morosanova V.I., Konoz E.M. [Style Self-Regulation of Human Behavior]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2000, no. 2, pp. 118–127.
15. *Ob uverzhdenii professional'nogo standarta «Pedagog (pedagogicheskaya deyatelnost' v sfere doskol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel')»: prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii ot 18 oktyabrya 2013 g. N 544n* [About the approval of the professional standard «The teacher (pedagogical activity in the sphere of the preschool, primary general, main general, secondary general education) (the tutor, the teacher)»: order of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation of October 18, 2013 No. 544n]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya gazeta], no 6261 (285), URL: <http://rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html> (access date: 18.04.2019).
16. Odintsova M.A. *Tipy povedeniya zhertvy. Diagnostika rolevoy viktimnosti* [Types of victim behavior. Diagnosis of role victimization]. Samara, Publishing House “Bahrat M”, 2013. 160 p.
17. Odintsova M.A. [Psychological features of victimhood] *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii], 2012, no. 3, pp. 59–67.
18. Selivanov V.V. [Ontogenetic stages of development of the subject and manifestation of victimity]. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov* [Psychology of cognitive processes], 2018, no. 7, pp. 136–145.
19. Tarasova L.E. [Aggression of the teacher as the factor of psychological risk in the educational environment]. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika* [Scientists of the note of the Pedagogical Institute of the State University named after N.G. Chernishevsky. Series: Psychology. Pedagogics], 2011, no. 2, pp. 41–47.

20. Tarasova L.E. [Aggression of the teacher as the factor of psychological risk in the educational environment]. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika* [Scientists of the note of the Pedagogical Institute of the State University named after N.G. Chernyshevsky. Series: Psychology. Pedagogics], 2011, no. 2, pp. 41–47.
21. Turkhanov G. [Methods of research of psychological aspects of victimization] *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Psikhologiya*. [Bulletin of the Odessa National University. Psychological], 2007, vol. 12, no. 16, pp. 59–65 (in Russ.).
22. Filatova V.O., Butovskaya M.L., Kalinichenko O.V. [Bullying in Russian schools: what the students say and what the teachers know]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii], 2018, no. 2, pp. 27–41.
23. Sheinov V. [Interrelations of extraversion, neuroticism, and psychological gender with victimization], *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2019, vol. 16, no 2, pp. 81–102. DOI 10.21702 / rpj.2019.2.5
24. Schumilkina M.S. [Psychological victimhood and emotional intelligence]. *Dostizheniya vuzovskoy nauki* [Achievements of university science], 2015, no. 14, pp. 92–95.
25. Gollwitzer M., Süßenbach P., Hannuschke M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity. *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00439/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439
26. Longobardi C., Iotti N.O., Jungert T., Settanni M. Student-teacher relationships and bullying: The role of student social status. *Journal of Adolescence*, 2018, vol. 63, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.12.001>.
27. López V., Morales M., Ayala Á Peer victimization: Intimidation and victimization in Chilean students. *Revista de Psicología*, 2009, vol. 27(2), pp. 243–286.
28. Lucas-Molina B., Williamson A.A., Pulido R., Pérez-Albéniz A. Effects of teacher-student relationships on peer harassment: A multilevel study. *Psychology in the Schools*, 2015, vol. 52, is. 3, pp. 298–315. DOI: <https://doi.org/10.1002/pits.21822>
29. Peres, M.F.T., Babler F., Arakaki J.N.L. [et al.] Mistreatment in an academic setting and medical students' perceptions about their course in São Paulo, Brazil: a cross-sectional study. *São Paulo Medical Journal*, 2016, vol. 134 (2), pp. 130–137. DOI: 10.1590/1516-3180.2015.01332210
30. Settanni M., Longobardi C., Sclavo E., Fraire M., Prino L.E. Development and psychometric analysis of the student–teacher relationship scale – short form. *Front. Psychol*, 2015, vol. 6, p. 898. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00898>.
31. Wang C., Swearer S.M., Lembeck P., Collins A., Berry B. Teachers matter: an examination of student-teacher relationships, attitudes toward bullying, and bullying behavior (Article). *Journal of applied school psychology*, 2015, vol. 31, Is. 3, pp. 219–238. DOI: 10.1080/15377903.2015.1056923.

Received 19 June 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Фролова, Р.И. Стилевые характеристики саморегуляции поведения у студентов с различным уровнем victimности / Р.И. Фролова, О.В. Байгузина // Психология. Психофизиология. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 5–16. DOI: 10.14529/jpps190301

FOR CITATION

Frolova R.I., Baiguzhina O.V. Style Characteristics of Behavior Self-Regulation in Students with Various Victiminity. *Psychology. Psychophysiology*. 2019, vol. 12, no. 3, pp. 5–16. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps190301